

УДК 81-112
UDC 81-112

Костева Виктория Михайловна
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
г. Москва, Российская Федерация
Viktoria M. Kosteva
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation
vmkosteva@gmail.com

ЯЗЫКОЗНАНИЕ КИТАЯ В АСПЕКТЕ
«ТОТАЛИТАРНОЙ» ЛИНГВИСТИКИ
LINGUISTICS OF CHINA IN THE ASPECT
OF THE "TOTALITARIAN" LINGUISTICS

Аннотация

В статье рассматривается языкознание КНР в его тоталитарный период. В авторской концепции для лингвистики тоталитарного государства используется термин «тоталитарная» лингвистика, под которой понимается совокупность дискурсивных практик, оказывающих влияние на работу лингвистов и итоги их научной деятельности. Анализ проводится с использованием метода нарративной лингвоисториографии. Результаты исследования показали, что «тоталитарная» лингвистика Китая представляет собой симбиоз деструктивных и конструктивных влияний, обусловивших ряд характерных черт. К ним можно отнести неприятие индоевропейского лингвистического опыта; следование принципам Советского языкознания, иногда с некоторыми крайностями калькирования русских грамматических категорий; практико-ориентированный подход и особое внимание к вопросам национального языка и его нормы, ликвидации неграмотности, поддержки языков малочисленных народов, а также к вопросам фонетики и фонологии, истории языка и перевода. Между тем, противоречия Культурной революции значительно замедлили лингвистическую работу, в том числе по распространению пунхуа.

Abstract

The current paper aims at considering language studies in China in its totalitarian period. In the author's concept, the term «totalitarian» linguistics for the linguistics of a totalitarian state is used, which means a set of discursive practices that influence the activities of linguists and the results of their scientific work. The analysis is carried out using the method of narrative linguistic historiography. The results of the study show that «totalitarian» linguistics in China is a result of symbiosis of destructive and constructive influences that determined its relevant features. These are rejecting Indo-European linguistic experience; following the principles of Soviet Union Linguistics, sometimes with extremes like calking certain Russian grammatical categories; practical approach and the focus on issues on National language and its standard, eliminating illiteracy, supporting language minorities as well as addressing the issues of phonetics and phonology, language history and translation. However, contradictions of

Cultural revolution considerably slowed down linguistic work, including Putonghua expansion.

Ключевые слова: «тоталитарная» лингвистика, дискурсивная практика, национальный язык, диалект, грамматика.

Keywords: «totalitarian» linguistics, discursive practice, national language, dialect, grammar.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_59_67

1. Введение

Обращение к истории лингвистики тоталитарных стран, среди которых фашистская Италия, нацистская Германия, Советский Союз во время правления И. В. Сталина, Испания при режиме генерала Ф. Франко, Китай периода правления Мао Цзэдуна, Албания времён Э. Ходжи, Румыния при Г. Георгиу-Дежу и Н. Чаушеску, позволило выдвинуть рабочую гипотезу о наличии в тоталитарных странах лингвистики особого вида, для которой с опорой на релевантные для неё понятия «тоталитарный язык», «тоталитарная эпоха», «тоталитарный дискурс» нами используется термин «тоталитарная» лингвистика. Под «тоталитарной» лингвистикой понимается следующее:

а) совокупность дискурсивных практик, характерных для лингвистики тоталитарных обществ, оказывающих влияние на формирование тематики, направления и методы теоретической и прикладной лингвистики;

б) совокупность лингвистических концепций тоталитарного общества, воплощающих господствующую идеологию;

в) система доминант языковой политики и лингвистики тоталитарного государства.

Сопоставительный анализ лингвистики вышеуказанных тоталитарных стран позволил нам утверждать, что практические исследования в лингвистике тесно связаны с социологическим направлением, так как в фокусе внимания лингвистов тоталитарной эпохи стоят, прежде всего, взаимоотношения языка, индивида и коллектива. Интерпретация этих взаимоотношений находится в тесной связи с основными компонентами государственной идеологии и геополитическими условиями существования тоталитарного государства. В области теоретического языкознания и философии языка типичным является поиск новой лингвистической парадигмы, попытки приспособить политические установки к созданию новой лингвистики при отказе от концепций индоевропейского сравнительного языкознания, теории младограмматиков и других теорий и концепций.

Для лингвистики тоталитарных государств типичными дискурсивными практиками являются следующие:

– управляемость со стороны государственного руководства, включая личное участие лидеров тоталитарных государств в постановке и выполнении языковых задач;

- партийный контроль над научными исследованиями;
- монополизация научной языковедческой деятельности, её подчинение господствующей идеологии;
- создание системы запретов и манипулирование ею при осуществлении различных видов научной деятельности;
- создание специального законодательства по языковой политике;
- создание специальных органов, комитетов, комиссий и т. д. по внедрению лингвистических проектов;
- создание государственного аппарата и иных структур, контролирующих и управляющих деятельностью ученых-лингвистов;
- апеллирование к широкой общественности.

Обратимся к реализации вышеперечисленных практик в лингвистике КНР периода правления Мао Дзэдуна.

2. Характерные черты «тоталитарной» лингвистики Китая

С образованием КНР в 1949 г. начинается новый этап истории китайского языкознания, характеризующийся быстрым развитием всех его областей. Это позволило китайскому лингвисту Гун Цяньяню охарактеризовать его как «Расцвет языкознания в Китае» (1949–1966 гг.) [цит. по: Шатравка, 2002, с. 11].

Руководство КНР придавало большое значение развитию этой отрасли науки. Так, в 1950-х гг. языковыми проблемами занимались несколько государственных органов:

- 1) Комитет по изучению реформы китайского письма (создан в 1951 г.);
- 2) Институт языка Академии наук Китайской Народной Республики (создан в 1950 г.);
- 3) Центральная национальная академия;
- 4) Комитет по руководству изучением языков и письма национальных меньшинств [Ошанин, 1953, с. 111].

В стране издавалось несколько периодических журналов по лингвистике, среди которых:

- 1) «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык») – объединённый ежемесячный орган Комитета по изучению реформы китайского письма и Института языка Академии наук;
- 2) «Юйвэнь сюеси» («Языковая учёба») – общественный ежемесячный журнал широкого профиля;
- 3) «Юйвэнь цзяосюе» («Преподавание языка») – ежемесячный журнал по вопросам методики и педагогики [Ошанин, 1953, с. 111].

Начиная с 1950-х гг. прошлого века, т. е. буквально через год после создания КНР, в китайском лингвистическом сообществе всё сильнее раздавались голоса против изучения и развития теорий индоевропеистики. В основном, речь шла о теории Гердера, Шлейхера, Есперсена, на основе которых в 20–40-х гг. XX в. было построено китайское языкознание и создан ряд учебников по грамматике китайского языка. Поводом такого не-

приятия послужили, с одной стороны, высказывания европейских учёных об «отсталости и примитивности китайского языка, о его застойном характере» [Ошанин, 1953, с. 113] а, с другой – необходимость обращения к истории китайского языка, изучению древнекитайского языка.

В этой связи характерно высказывание Мао Цзэдуна о том, что: «Нам нужно ещё учиться языку древних. Современный народный язык в большей части передан нам от древних. Сокровищница языка древних ещё может подвергаться разработке ...» [цит. по: Ошанин, 1952, с. 117] Кроме этого, отметим и обвинение китайских лингвистов в «преклонении перед Западом, в космополитизме, академизме и беспринципности» [Ошанин, 1953, с. 106].

С третьей стороны, явно ощущалось влияние СССР на практически все отрасли хозяйства, промышленности и науки. Как и в остальных государствах с социалистическим устройством общества, языкознание КНР до периода «культурной революции» находилось в тесной связи с языкознанием в СССР. С изменениями в языкознании СССР изменились и приоритеты языкознания КНР. Смена лингвистической парадигмы в КНР была продиктована сменой лингвистической парадигмы в СССР, развенчиванием теории Н. Я. Марра. Как отмечалось в китайской прессе, труды И. В. Сталина по вопросам языкознания с неизменным эпитетом «гениальные» стали основополагающими для развития теории языковедения в Китае. Основным посылом новой лингвистики становится благотворное влияние марксизма-ленинизма и выдвижение языкознания на позиции передовой науки.

Приоритетами нового этапа развития лингвистики стали, как и практически во всех тоталитарных государствах, вопросы национального языка, его взаимоотношения с территориальными диалектами, вопрос нормы, взаимоотношение старой нормы и новой нормы, связанные с этими вопросами орфографическая реформа и создание алфавита для языков национальных меньшинств [Ошанин, 1953, с. 114–115].

В программной статье о перспективах развития китайского языкознания, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», его предметом было определено изучение специфических противоречий языкознания. При этом китайские учёные исходили из высказывания И. В. Сталина о специфических особенностях языка, а также из положений Мао Цзэдуна о специфических противоречиях, представляющих собой предмет той или иной науки, в том числе языкознания.

В концепции лингвистов КНР основное противоречие языка заключается в том, что «путём абстрагирования реальности и её обобщения создаётся слово, причём и говорящий, и слушающий овладевают понятием, представленным звуком или звуками, образующими это слово, переходят от непонимания к взаимному пониманию, благодаря чему лучше познаётся реальность, развивается ум, создаётся наука» [Ло Чан Пэй, 1953, с. 80].

В своей статье Ло Чан Пэй [Ло Чан Пэй, 1953, с. 80–83] также определил задачи китайского языкознания на период 1950-х гг., к которым автор относил следующие:

- 1) изучение основного словарного фонда и словарного состава;
- 2) изучение грамматического строя;
- 3) изучение фонетики и фонологии;
- 4) изучение литературного языка;
- 5) изучение диалектов и национального языка;
- 6) изучение внутренних законов развития языка или история китайского языка;
- 7) изучение языков и письменности национальных меньшинств;
- 8) изучение методики преподавания языков;
- 9) изучение порядка работы по ликвидации неграмотности и по проведению реформы письма;
- 10) изучение методов перевода.

Особое внимание было уделено разработке теоретических вопросов национального языка; в связи с этим отметим лингвистическую дискуссию, суть которой заключалась в обсуждении вопросов взаимоотношения национального языка с территориальными диалектами.

Основными дискуссионными положениями стали вопросы о наличии китайского национального языка и о диалекте, на основе которого он складывается или уже сложился, механизмы формирования национального языка, гипотетическое развитие территориальных диалектов в отдельные языки, взаимоотношения старой и новой нормы китайского языка [Ошанин, 1952, с. 115].

По результатам проведённой дискуссии было принято положение о том, что национальный язык существует и имеет свою литературную норму. В центральном органе ЦК КПК «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная газета») в передовице можно было найти следующие высказывания: «Наш современный язык сохраняет все преимущества, свойственные ему издревле, а из чужих языков он воспринял необходимые новые элементы лексики и грамматики. Поэтому наш современный язык ещё совершеннее, чем язык древних эпох, ещё богаче по силе своей выразительности. Товарищ Мао Цзэ-дун и великий писатель Лу Синь дают образцы того, как нужно пользоваться этим гибким, богатым и прекрасным языком» [цит. по: Ошанин, 1952, с. 116].

В данной цитате довольно чётко прослеживаются следующие признаки «тоталитарной» лингвистики: апеллирование к авторитету высшего руководства страны, в нашем случае за идеальный язык принимается язык Мао Цзэдуна, а язык великого китайского писателя занимает лишь почётное второе место. Кроме того, авторы явно передают мысль Мао Цзэдуна о преемственности старого китайского языка с его последующей переработкой.

Во-вторых, отметим ещё одну любопытную деталь: вопрос о национальном языке Китая решался не только в Китае, но и в СССР. При этом российские синологи стояли на аналогичных позициях, в частности подчёркивали развитие языка в Китае именно как национального, в связи с тем, что в Китае в результате национально-освободительной борьбы была сформирована нация [Конрад, 1952, с. 50]. Они также подвергали критике

высказывания Е. Д. Поливанова, полагавшего, что существующие экономические формы не могли послужить основой для создания единого разговорного языка (или диалекта) и рассматривавшего современный китайский язык как сумму различных, хотя и родственных языков.

Вторым результатом дискуссии стало отрицание формирования единого языка путём скрещивания диалектов и единство по вопросу о том, что развитие национального языка идёт путём укрепления ведущей роли пекинского диалекта, путём растворения местных национальных диалектов [Ошанин, 1952, с. 116].

Обратимся к мнению советских специалистов в области китайского языка, соответственно которому китайские диалекты подверглись «перемалыванию» (глагол «перемалываться» в отношении диалектов был взят из высказывания И. В. Сталина): «Именно о таком процессе интенсивного перемалывания диалектов в едином языке и можно говорить в приложении к языковой действительности, наблюдаемой в Китае в последние десятилетия» [Конрад, 1952, с. 57].

Таким образом, в период становления КНР единый язык воспринимался как национальный язык, основанный на пекинском диалекте, в котором сливаются и скрещиваются все остальные диалекты.

В связи с необходимостью ликвидации безграмотности и повышения грамотности населения, наибольшее значение уделялось изучению и преподаванию грамматики в школе. Вопрос о наличии грамматики китайского языка был увязан с дискуссией о частях речи. Советские синологи признавали наличие частей речи в китайском языке и считали невозможным создание грамматики без наличия данных категорий [Конрад, 1952, с. 76]. В грамматике различались как морфология, так и синтаксис. Вслед за этими утверждениями, китайские лингвисты также призывали к изучению грамматического строя китайского языка, к улучшению литературы по грамматике и методике её преподавания в школе [Ошанин, 1952, с. 117]. В 1952 г. в журнале «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык») был опубликован систематический курс грамматики китайского языка, в разделы которого входили «Части речи», «Основные типы предложения», «Типы простого предложения» и другие.

Наличие идеологической составляющей в решении проблемы частей речи в китайском языке подтверждается тем фактом, что в 1953 г., уже после окончания дискуссии на эту тему в Советском Союзе, в статье журнала «Чжунго юйвэнь» филолог Гао Мин Кай вновь заявил об отсутствии частей речи в китайском языке, задаваясь при этом вопросом, а стоит ли «втискивать китайский язык в каноны западных грамматик» [Гао Мин Кай, 1955, с. 49]. После этого появился ряд работ, поддерживающих данное положение. Но после выхода статьи Конрада «О китайском языке» в СССР взгляды филологов резко поменялись, что соответствовало принятию точки зрения И. В. Сталина «Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой "природной материи" не существует» [цит. по: Гао Мин Кай 1955, с. 50].

Лингвистический вопрос быстро превратился в вопрос политический. В центральной прессе, в частности в уже упомянутой газете «Жэньминьжибао» в 1951 г., в течение полугода публиковались лекции по грамматике и стилистике китайского языка известных китайских лингвистов Люй Шусяна и Чжу Дэси. Публикация данных материалов свидетельствовала о возрастающем значении роли языка в общественной жизни Китая, так как, по мнению китайских филологов, они представляли собой «тот теоретический минимум знаний науки о языке, которым должен «владеть каждый член партии, каждый рабкор, каждый автор политической статьи или художественного произведения» [Ошанин, 1952, с. 118].

Вопрос создания грамматики был связан с борьбой за чистоту языка, который приобрёл государственное значение. Руководство страны через газету «Жэньминьжибао» обратилось с призывами к партийным и общественным работникам, а также авторам и журналистам с призывом к изучению грамматики, а также к борьбе за чистоту языка. При этом преследовалась и другая цель, а именно – создание особого дискурса, языка, который в современной лингвистике называется «тоталитарным» языком. Подтверждением может служить следующая цитата из передовой статьи вышеуказанной газеты: «... необходимо, чтобы любой документ, доклад, газета или печатное издание выражали мысли правильным языком, чтобы массы правильно овладели идеей...» [Ошанин, 1952, с. 117].

Большая часть лингвистов Китая была занята изучением и описанием диалектов, разработкой фонетического алфавита.

Таким образом, языкознание КНР характеризуется практико-ориентированным и прикладным характером исследований, переносом основных положений советского языкознания на китайское языкознание, даже если в силу особого строения китайского языка привнесение некоторых грамматических категорий представляется излишним и даже ошибочным. Так, китайский филолог Ван Ли, рассматривая историю дискуссии о частях речи писал: «В прошлом при обсуждении вопроса о частях речи имели место две крайности. С одной стороны, утверждали, что китайский – это язык, в котором есть морфология; при этом полагали, что в китайском языке есть склонение существительного и т. п. Такая точка зрения, конечно, ошибочная. С другой стороны, некоторые лингвисты считали, что в китайском языке вообще нет частей речи. Верна ли подобная точка зрения? Это зависит от того, что мы понимаем под частями речи...» [Ван Ли, 1989, с. 37].

«Культурная революция» практически прекратила лингвистическую работу, не был также последовательно реализован процесс распространения путунхуа ввиду отсутствия занятий в школах.

3. Заключение

Суммируя вышеизложенные факты, мы приходим к выводу о том, что роль тоталитарного государства в «тоталитарной» лингвистике представляет собой симбиоз конструктивных и деструктивных влияний. Оче-

видно, что, с одной стороны, влияние тоталитарной идеологии в какой-то степени препятствует поступательному развитию лингвистики в соответствии с её имманентными закономерностями. С другой стороны, практическая ориентация лингвистических исследований вносит большой вклад в ряд теоретических аспектов общего языкознания.

Интересной представляется перспектива данного исследования в свете расширения связей китайских лингвистов с лингвистами Европы и Америки. Всё чаще в международных рецензируемых лингвистических журналах можно увидеть статьи китайских коллег, в которых изложены результаты исследований в лучших традициях мирового языкознания с соблюдением всех правил построения англоязычного научного лингвистического дискурса (см., напр., [НАО, 2012] и многие др. работы). Чтобы проследить этот путь от тоталитарной лингвистики к открытости обширному международному лингвистическому опыту, необходимо отдельное исследование.

Список литературы

1. Ван Ли. Части речи [Текст] / Ван Ли // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXII. – М.: Прогресс, 1989. – С. 37–53.
2. Гао, Мин Кай. Проблема частей речи в китайском языке [Текст] / Мин Кай Гао // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 48–57.
3. Конрад, Н. И. О китайском языке [Текст] / Н. И. Конрад // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 45–78.
4. Ло, Чан Пэй. Предмет и задачи языкознания [Текст] / Чан Пэй Ло // Вопросы языкознания. – 1953. – № 4. – С. 79–84.
5. Ошанин, И. М. Китайское Языкознание [Текст] / И. М. Ошанин // Вопросы языкознания. – 1953. – № 3. – С. 106–112.
6. Ошанин, И. М. Китайская Народная Республика [Текст] / И. М. Ошанин // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 113–119.
7. Шатравка, А. В. Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.02.22 / Шатравка Анна Владиславовна; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2002. – 209 с.
8. Hao, Y-C. Second language acquisition of Mandarin Chinese tones by tonal and non-tonal language speakers [Text] / Y-C. Hao // Journal of Phonetics. – 2012. – Vol. 40 (2). – P. 269–279.

References

1. Van, Li. (1989) Chasti rechi [Parts of speech]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New issues in foreign linguistics] (Vol. XXII, pp. 37–53). Moscow: Progress Press.
2. Gao, Min Kaj. (1955). Problema chastej rechi v kitajskom yazyke [The problem of parts of speech in Chinese]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 48–57.

3. Konrad, N. I. (1952). O kitajskom yazyke [Concerning the Chinese language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 45–78.
4. Lo, Chan Pehi. (1953). Predmet i zadachi yazykoznanija [The object and goals of language studies]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 4, 79–84.
5. Oshanin, I. M. (1953). Kitajskoe Yazykoznanie [Language studies in China]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 106–112.
6. Oshanin, I. M. (1952). Kitajskaya Narodnaya Respublika [The People's Republic of China]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 113–119.
7. Shatravka, A. V. (2002). *Spornye voprosy klassifikacii sluzhebnyh slov v sovremennom kitajskom yazyke* [Challenging issues of function words classification in modern Chinese]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg : St-Petersburg State University.
8. Hao, Y-C. (2012) Second language acquisition of Mandarin Chinese tones by tonal and non-tonal language speakers. *Journal of Phonetics*, 40 (2), 269–279.